

НОМИНАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ В ТЮРКСКОМ И СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: СЕМАНТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сопоставляются наименования персонажей низшей мифологии в разносистемных языках – татарском и русском – с точки зрения их фонетического облика, семантического наполнения, потенциала формирования производного значения. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о схожести метафорически обусловленных процессов вторичной номинации, протекающих в разных языках. Такое подобие определено общностью этической оценки явлений у народов, имеющих значимые социальные и культурные различия.

Ключевые слова: мифология; мифоним; славянские языки; тюркские языки; вампир; упырь; мэцкэй; двоедушник.

Принято считать, что мифология как первичная мировоззренческая система является основой культуры любого народа. Изучение и сопоставление аналогичных или, напротив, уникальных мифологических сюжетов и образов, распространённых в разных геокультурных ареалах, позволяют обозначить особенности менталитета того или иного народа, в том числе его ценностные приоритеты; выявить межэтнические контакты, результаты взаимовлияния различных народов; ответить на многие вопросы истории, этнологии, культурной антропологии.

Глобальная картина мироздания в языческой культуре выстраивается, в основном, посредством характеристики богов, героев, присущих им функций, качеств и родственных связей. Этими мотивами пронизаны практически все космогонические и эсхатологические, антропологические и генеалогические мифы. В свою очередь, персонажи низшей мифологии не определяют мироздание так масштабно, однако они ближе к человеку, к его повседневному быту, его чаяниям и опасениям, они в большей степени метафорически отражают те явления жизни, те социальные и личностные свойства, с которыми человек сталкивается каждый день, которым он вынужден и может противостоять. Кроме того, приобщение народов к монотеистическим религиям традиционно вытесняло из народного сознания образы языческих богов и героев, заменяя их близкими по функциям святыми, в то время как демонологические персонажи не покидали орбиту народного интереса и внимания, сохраняя в себе отголоски наиболее древних мировоззренческих элементов.

Представление о доминировании во внешнем мире враждебных сил способствовало появлению в мифологии народов мира ряда отрицательных персонажей, угрожающих жизни и здоровью человека, его благосостоянию, безопасности его имущества. Часто таким персонажем выступает существо, живущее за счёт физических сил человека (пьющее его кровь, поедающее его плоть, спинной мозг и т.д.), насылающее болезни, способное подчинять себе волю человека, управлять его поведением: индийские ветапы, индейские вендиго, китайские гуи, арабские гули, еврейские эстри, римские лемуры, скандинавские утбурды, западноевропейские вампиры, русские упыри, татарские и башкирские упыры, чувашские вупары и др. Во многих мифологических традициях подобные су-

щества выступают воплощением страха смерти, особенно смерти насильственной, неестественной. Неизвестность, ожидающая за гранью смерти, пугала, но вместе с тем не менее страшным казалось потерять душу, существовать на земле без души, без того, что делает человека человеком, личностью. Не случайно современный человек так же, как и его далёкие предки, прежде всего опасается утратить свою сущность, вероятно поэтому такой явный коммерческий успех имеют продукты массовой культуры – комиксы, романы ужасов и фильмы ужасов, компьютерные игры, в которых поднимается тема одержимости демоном или тема зомби. В век, когда средства массовой информации, рекламные и политические технологии, различные секты способны навязать человеку определённое мнение, кардинально изменить его поведение, тема потери души как никогда актуальна.

А.А. Потебня писал, что «язык есть главное и первообразное орудие мифологии» [1. С. 303], миф не может находиться вне слова. В мифе имя персонажа, личное (например, Зевс, Кали, Ахурамазда) или родовое (например, дриады, волкодлаки, пери), по сути своей, уже большая часть его сущности, часть его облика. По законам словесной культуры, называя персонажа, мы уже его характеризуем.

Среди всех перечисленных персонажей наибольшая популярность в современной массовой культуре принадлежит вампиру, мифологическому персонажу, ставшему известным благодаря роману Б. Стокера «Дракула», а также его многочисленным киноверсиям. Современное представление о вампире, во многом романтизированное, весьма далеко ушло от истинного мифологического облика этого персонажа. Тем интереснее вернуться к истокам данного образа, в частности, к номинирующей его лексеме.

Интерес к происхождению мифонима *вампир* проявили лингвисты ещё XIX–XX веков. Так, И.Л. Лось в статье «Вампир в мифологии», опубликованной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890–1907 гг.), подчёркивал, что «вампир – слово неизвестного, хотя довольно позднего происхождения», и указывал, что слово встречается «в немецком, романских и большинстве славянских языков; но его нет ни в церковнославянском, ни в средневековой латыни, ни даже в древне- и средне немецком языке. На Запад Европы оно перешло из Германии, куда, в свою очередь, перенято было от славян» [2. С. 479]. И.Л. Лось

также указывает на семантическую и фонетическую связь лексем *вампир* и *упырь*, объясняя разницу в фонетическом облике слова наличием носовых гласных, которое исторически имело место в языке: «...двойко произносится в славянских наречиях: вампир и упырь (вторая форма древнее). В большинстве случаев эти два слова имеют одно значение: именно они обозначают вставшего из могилы мертвеца, который высасывает кровь у спящих людей» [2. С. 479]. В.И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка относительно слова *упырь* также помечает: «Этимология неясна» [3].

М. Фасмер также пишет: «Реконструкция праславянской формы сопряжена с трудностями: **оругъ* или **оригъ*» [4. С. 165] и высказывает предположение, что слово *вампир* одного корня с *нетопырь* (род летучих мышей), поскольку в преданиях вампир часто принимает облик летучей мыши. Однако превращение упыря в летучую мышь – недостаточно распространённый мотив в фольклорных сюжетах (есть варианты превращения в кошку, собаку, свинью, сову), чтобы можно было с уверенностью говорить о такой этимологии данной лексемы.

Гораздо убедительнее выглядит версия А.А. Потебни, который ещё в 1865 г. возводил слово к глаголу *пить*: «Руск. упир<...> можно отнести к корню пи, так что упир – существо пьющее, упивающееся. Из этого основного представления вытекают все значения, какие мы видели» [5. С. 280–281]. Предположение А.А. Потебни выглядит логичным, ведь одно из свойств упыря состоит в том, что он *пьёт* кровь своих жертв, однако сам исследователь, указывая на родственность слов *вампир* и *упырь*, отмечает, «...вамъ удовлетворительно объясняется старинной формою предлога у», всё же обратил внимание на то, что появление в корне лексемы *упырь* (*упир* – *упырь*) гласной «-ы- объяснить трудно» [Там же. С. 281].

В то же время появление гласной -ы- можно объяснить, если учитывать версию тюркоязычного происхождения этого слова, которой придерживался ряд лингвистов – Ф.К. Миклошич, А.Г. Преображенский, Н.К. Дмитриев – и которая нашла отражение в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: «Упырь, упыря, м. (тат. – злой дух; обжора)» [6]. Несмотря на мнение М. Фасмера, который считал, что «популярное толкование из тат. *убуг*» «сомнительно в фонетическом отношении» [4. С. 165], именно фонетический облик слова заставляет сопоставить славянское *упырь* и татарское *убыр*. Эта версия поддерживается и с точки зрения семантики, так как, согласно труду В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» (1893), *убыр* – «мифическое существо», а восходит лексема к корню *уп-* (с пометами «казанское наречие», «тобольское наречие»), который, в свою очередь, имеет значения: 1) Всасывать в себя; 2) Проглотить; 3) Глотать с жадностью, пожирать; 4) Много и без пользы уничтожать [7. С. 1780]. То есть *убыр* – существо мифического происхождения, которое высасывает, пожирает, уничтожает; это те же характеристики, посредством которых описывают и славянского упыря. С нашей точки зрения, разумно предположить, что мифологический образ и лексема, его номинирующая, имеют общий источник.

Неясность этимологии славянской лексемы *упырь*, которую отмечают многие лексикографы, может объясняться её заимствованием из тюркских языков, в частности, из татарского, в котором словарями зафиксировано наличие производящей морфемы, имеющей семантику, соответствующую характеру мифологического персонажа. Вероятно, татарская лексема *убыр*, оказавшись в среде славянских языков, пережила фонетическую адаптацию, свойственную процессу заимствования. Возможно и другое направление этого процесса: славянская мифология и мифология тюркоязычных народов породили сходный образ сверхъестественного существа, пьющего, высасывающего кровь у людей и животных, при этом образ был номинирован лексемой, имеющей корень со значением «пить» (*пи-* – в древнерусском языке) [7. С. 280–281], со значением «высасывать, пожирать» (*уп-* – в татарском языке) [7. С. 1780; 8. С. 464], со значением «хлебать, глотать» (*ор-* – в древнетюркском) [9. С. 387]. В результате культурных контактов у славянского *упир* под влиянием татарской лексемы *убыр* появилась новая форма – *упырь*.

Интересно, что производным от тюркского корня *уп-* в чувашском языке является глагольное имя *вупар*, также означающее мифическое существо, которое «наваливается на спящих, вызывая удушье и кошмары, насылает болезни» [10. С. 254]. Здесь можно предположить, что данная лексема опосредованно могла повлиять на образование слова *вампир*, так как форма (*вьпирь*) прежде всего свойственна для болгарского языка [11. С. 549], в котором сильна группа тюркоязычных заимствований. Но при этом нельзя не учитывать и историческую связь болгар и чувашей, в этногенезе которых участвовали древние булгары.

На схеме представлены возможные пути формирования мифонима *вампир*.

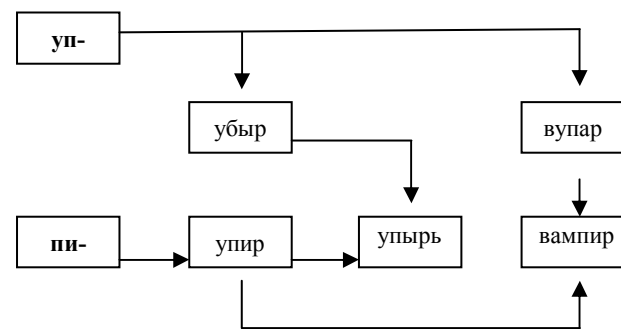

Рис. 1. Возможные пути формирования мифонима *вампир*

В.Н. Басилов также считает, что образ *вупар* близок *убыру* в мифологии татар и башкир, отчасти *упырю* восточных славян, мяцкаю тобольских татар [10].

Образ *мэцкэй*, относящийся к группе вредоносных духов, является уникальным в ряду как славянских, так и тюркских мифологических персонажей. Важным аспектом этого образа является возможность стать мэцкэй при жизни. Упыри и упыры чаще всего представляют собой персонажей мира мёртвых, которые по разным причинам обретаются среди живых, хотя в некоторых славянских поверьях также отмечается возможность существования упырей, обладаю-

щих живым человеческим телом, но зловредной демонической душой. Так, Е.Е. Левкиевская сообщает, что «украинцы верили и в живых упырей – тех, чья душа могла временно покидать тело и вредить людям. Такие упыри прячут душу под камень и, пока она там, не могут умереть» [12. С. 498]. Однако в историях о мэцкей часто подчеркивается невиновность человека-«носителя» злого духа, он преимущественно выступает в роли жертвы, а не источника зла.

Таким образом, с одной стороны, мэцкэй свойственны атрибуты и повадки упыря: синие губы, красный язык, потребность пить кровь людей и животных, способность насылать болезни и беды, с другой стороны, в отличие от упыря /упыра, мэцкэй обладает двумя душами, одна из которых – демоническая – может достаться по наследству, а может быть приобретена при жизни в результате контакта со злым духом. Представление о мэцкэй как о человеке с двумя душами бытует также в турецких мифах, согласно этим мифам, «*тескеу* умирает в молодом возрасте, а вторая душа продолжает жить в лесу, охотясь на зверей и людей» [13].

В мифах сибирских татар отражено, что мэцкэем может стать только женщина: девочка рождается с одной душой, а вторую может получить в наследство от женщины по линии матери или отца. После этого человек становится *мэцгэй*. «В дневное время ведет жизнь обычного человека, в ночное превращается в злого духа и охотится на людей» [Там же].

Интересно, что и в славянской мифологии (в польских, украинских, словацких мифах) присутствует персонаж, заключающий в себе две души – человеческую и демоническую. Двоедушник днем ведет себя как обычный человек, а ночью засыпает непробудным сном и бродит по округе в образе коня, зайца, собаки, кошки, летучей мыши и т.п. существ. Двоедушник обладает способностью поднимать мощный ветер, и если попытаться его задержать, то он может убить силой этого ветра. Двумя душами, как и мэцкэй, могут обладать и мужчина и женщина. Согласно славянским мифам двоедушником можно стать при рождении в результате предосудительного поведения родителей (нарушения бытовых или религиозных запретов) или в результате несчастного стечения обстоятельств. После смерти двоедушник может превратиться в упыря, если не будут совершены нужные обряды [14. С. 160].

В тюркоязычных и славянских мифах человек с двумя душами заболевает и умрет, если во время сна, когда демоническая душа бродит по свету, его перевернуть на ложе ногами к изголовью. И в той, и в другой мифологической традиции считается, что тогда мэцкэй или двоедушник не сможет найти свое тело, отчего и наступает смерть [15].

Ареал распространения лексемы *мэцкэй* в Тюменской области локализован на территории Вагайского и Тобольского районов. Приведем пример мифа о мэцкэй, записанного в деревне Ишменево Тобольского района (говор жителей данного населенного пункта относится к заболотному. Респондентом является Суюндукова Синникамал Абдразулловна 1935 года рождения. Текст записан 30.07.2015):

мэцгэй пулгъан ул // ул йоргэн кеше тэ пулгъан // йоргэн ней / пылай йел / йел пулгъан инте шул / мене Вациртэ пулгъан // ул / нимэ / Танай къорткъайакъ пулгъан // оннэм кэплэйте инте / инэм кэплэйткэн инте // йома гонно тите / йома цай эцкэле йоройвос тите Вацирта // пестэ цай эцтех тите / къорткъайахлар кучэй йыйылып тите // аннан тите нес эйтэпс тите // эйтэн Танай эвэгэ керэйех / йома кон кбуй погон // кучэй кереф киттех тите // Танай эвэгэ керэк тите / шэнгэ йасагъан ти пер оссон тахта / шэнгэ пешиерэф йататы игэн ти // эй / нес кергэц ти / шэнкэне меецкэ салыф ифэрте тите / ул шэнкэ пешеф цыхты тите / самавыр уцыф евэрте / цай уцты тите / цай гъайнатты тите // утыртты тите // пер олло мынтай йован тава тите шэнкэне тите эссетеф утыраты майгъа / пасырын утыраты / пасырын утыраты тите // нес эйтэпес тите / Танай эвэ / пы нимэгэ пыгъатлем кэн пешиереп кбуйтын // нес йана гына цай эцеп цыкккъан кбуй / аны ник пылай пешиереп хуйтын // ашарфыс тиф хуйаты тип эйтэте тите // йэ / пыгъатлемне ашаф хуймарфыс инте тиф / аннасын ашангъалы утыртых тиф эйтэте // ашан утыртых / нес перэр цынайах цай эцтек тэ утыртых тип // пы усе ашан утыраты / ашан утыраты / пер йован тава шэнкэне ашан кбуйты / цайны та эцеп кбуйты // шул ашайты / шул ашайты // пеккэ тыва та пирмэйте / нес остэл къаватта утырафыс тип // анасын усе сыхтаф йевэрте тип // къасер сес миннэн кбурыхман тип эйтэт тите / мин къасер алай аш пелэн генэ усемне пасам тип // киц килгэн сыйырымны / тостэн килте тип эйтэте тите / кон кбунгъансын // кон кунгъансон сыйыр килгэц / мин кбурагъа кереф сыйырымны савып утыртым тип эйтэте тите // сыйырымны савып йарты пэтрэ сот саугъайын итем тип эйтэте тите / кбуранын ишегеннэн сыймайын пер оссон кеше керте тип эйтэте тите кбуранын эценэ // къасер / тип эйтэте тите / сотонно / саугъан сотонно / эцсэн эцеф хуй / эцмэсэн / пагърат / усенне йотам тип эйтэте тите // мин нимэ кбыйлангъанымны пелмэй ул сотно эцтем тэ кбуйтым пэтрэсе пелэн кутэреп тип эйтэте тите / аннан сон мене пылай вулыф киттем / усемне къасер аш пелэн генэ пасам тип эйтэте тите // аннан сыхтаф йефэрте тите //

Перевод:

мэцгэй был он // он был живым человеком // жил ведь / так ветер / ветром был вот / вот в Ачирах был // он / что / Танай старухой был // бабушка рассказывала / мама рассказывала // в пятничный день / говорит / пятничный чай пить ходим в Ачирах // и мы чай попили / говорит / вместе со старухами // потом / говорит / мы говорим / давайте к Танай сестре зайдём / пятничный день ведь сегодня // говорит / кучей все зашли к ней // говорит / к Танай сестре зашли // она шаньги сделала / говорит / одну большую доску / оказывается она шаньги готовит / говорит // эй / когда мы зашли / говорит / она шаньги в печь поставила / говорит // эти шаньги испеклись / говорит // она самовар поставила / говорит / чай поставила / говорит // чай вскипятила / говорит // поставила / говорит // одну такую большую посуду //

говорит / греет шаньги в масле // накладывает / накладывает / говорит // мы говорим / Танай сестра / ты зачем так много напекла // мы ведь только что чай попили / зачем так много напекла // съестся / говорит она // ну / столько ведь мы не сможем съесть // потом мы сели поесть / говорит // сидели ели / мы по чашке выпили и сидим // эта сама сидит ест / всё ест и ест // одну большую посудину одна съела / и чай весь выпила // всё ест / всё ест // нам и помолиться не дает // мы сидим возле стола // потом она сама заплакала // сейчас вы меня не бойтесь / она говорит // я сейчас себя только едой и останавливаю // поздно пришедшую корову / из леса пришедшую / после заката // после заката я сидела в стайке и корову свою доила / говорит // когда я надоила половину ведра молока / говорит / не влезая в дверь стайки / один длинный человек вошел внутрь // сейчас / он говорит / молоко / надоенное молоко / или выпьешь / если не выпьешь / орет / тебя саму проглочу / говорит // я не зная что делать / взяла это молоко и выпила всё / что было в ведре / говорит / после этого я стала вот такой / себя сейчас только едой и останавливаю / говорит // потом заплакала //

Респондент утверждает, что данный рассказ является достоверным, потому что участником этого происшествия была ее бабушка. На реальность происшедшего указывает и конкретное имя женщины, в которую вселился злой дух, – *Танай эвэ*. Более того, все опрошенные респонденты единодушно уверены в реальности существования мэцкэй. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что мэцкеем, в отличие от славянского двоедушника, можно стать без какой-либо своей вины или вины своих родителей, т.е. опасность нежелательного приобщения к темным силам угрожает каждому человеку.

Этимологические источники связывают происхождение лексемы *мэцкэй* с древней основой *би:жэин* / *bi:ǰin*, которая имеет шесть значений: 1. Обезьяна; 2. Название девятого года двенадцатилетнего животного цикла; 3. Название созвездия Плеяд; 4. Злой дух (тюрк.); 5. Рыба; 6. Божья коровка; водяной жук; насекомое, плавающее на воде; слизняк [16. С. 128].

При анализе мифонима наиболее актуально четвертое значение: злой дух. В этимологическом словаре татарского языка единица *мэчкэй* трактуется как 'старуха ведьма' [17. С. 143]. В переносном значении слово *мэцкэй* означает обжору, что на семантическом уровне роднит эту лексему с мифонимом *убыр*, образованным, напомним, от корня *уп-* со значением «высасывать, пожирать».

Говоря о переносном значении лексем, называющих демонологических персонажей, нельзя не отметить тот факт, что все они посредством процесса метафоризации становятся основой для вторичной номинации человека. При этом отрицательная коннотация лексем сохраняется. Так, мифоним *упырь* в русском языке имеет следующие переносные значения: 1) Злой, жестокий человек; 2) Убийца; 3) Алчный человек, живущий на чужом труде, чужом горе, что наблюдается во многих примерах: *Все думают, что продюсер – это такой упырь, клец-спиногрыз*

для артиста, который высасывает не только творческий потенциал, но и финансовый (А. Шульгин. Комсомольская правда. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/22680/22203>); *Ну вот, допустим, нам говорят: Сталин упырь, уничтожал людей, через колено ломал крестьянство, расстрелял всё поголовно командование РККА, потому виноват в отступлениях, блокаде (О. Туханина. Комсомольская правда. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26195.5/3082721>); Целовали его «монстр», «палач», «хамелеон», «врожденный садист», «упырь», «один из самых знаменитых в истории злодеев Берия?» (А. Терехов. Каменный мост. 1997–2008). Тождественной семантикой обладает и лексема *вампир*: *Споры о социальной и национальной значимости крупного бизнеса не утихают со времен «Железной пяты» Джексона Лондона, в которой финансово-промышленные магнаты были изображены эдакими социальными вампирами, подмявшими под себя государство и истово сосущими кровь из угнетённого народа (Д. Карцев. Самый нужный бизнес. Русский репортер. 2013), с той, впрочем, разницей, что, в отличие от упырей, вампирами в переносном значении именуют людей, совершающих не столько физическое, сколько психическое, духовное насилие, например: И ничего, кроме ненависти, эти вампиры молодых души не могли к себе вызывать (А. Солженицын. В круге первом. Новый мир, 1990. Т. 1); Он оказывается чем-то вроде домашнего вампира, без конца оскорбляющего родных, совершенно этого не замечая (А. Кузнецова. Функции ума // Октябрь. 2002). Очевидно, переносное значение в обоих случаях формировалось на основе главной опасности, исходящей от персонажа-демона: продлевания своего существования за счёт физических или душевных сил человека. Как видим, негативная оценка дается прежде всего этическим качествам характеризуемого человека.**

Лексема *мэцкей* имеет два переносных значения: 1) Обжора, прожорливый, ненасытный; 2) Алчный. Первое из них в большей степени связано не с этическими, а с физическими характеристиками человека, хотя отрицательная коннотация очевидна и здесь, второе же значение аналогично семантике метафоры, основанной на образе *упыря* / *вампира*. В то же время следует отметить, что второе переносное значение слова *мэцкей* – алчный человек – является производным и носит локальный характер (дер. Малый Кондан Вагайского района), что было зафиксировано Г.Ч. Файзуллиной в ходе полевых исследований татарских говоров Тюменской области. Исследователи отмечают: «При переносе значения сохраняется семантическое ядро 'прожорливый, ненасытный': прожорливый злой дух → прожорливый человек → алчный человек (ненасытный в материальных благах) [15. С. 60]. Например, *мэцкэй амыс* (рот [как у] вампира) «жадный до еды, денег».

Интересно, что одним из значений, свойственных лексеме *вампир* – человек, оказывающий на окружающих людей разрушительное психическое влияние, – обладает также диалектная татарская лексема *купкын*, в прямом значении означающая мифологического персонажа – злого духа трагически погибшего человека, умерщвляющего своих жертв путем удушения, и

нередко употребляющаяся в качестве синонима слова *убыр* (В.Н. Басилов считает лексему *купкын* синонимом слова *мэцкей* [10]), а в переносном плане имеющая значение жестокого мучителя своих близких и родных (о пьющем мужчине). Например, *шал купкын пөтрэ өйөн элак кылты* (перевод: этот купкын всю семью измучил).

Таким образом, можно утверждать, что лексические процессы формирования прямого значения ми-

фонима и вторичной номинации, основанной на метафоре, протекают одинаково в разносистемных языках. Причиной этого является общность этической оценки явлений у народов, имеющих значимые социальные и культурные различия, и это, безусловно, свидетельствует в пользу общей природы этических ценностей. Данные языковые процессы и сегодня нуждаются в изучении и семантической интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М. ; СПб. : АКАДЕМИА, 2003. 373 с.
2. Лось И.Л. Вампир в мифологии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. V (1892): Вальтер – Ветути.
3. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / авт.-сост. В.И. Даль. 2-е изд. СПб. : Типография М.О. Вольфа, 1880–1882.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Прогресс, 1987. Т. 1.
5. Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1865. Апрель–Июнь. Книга вторая. М. : Университетская типография, 1865. С. 1–310.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 (4 т.). URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovuj_slovar_russogo_jazy (дата обращения: 03.03.2016).
7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 2: Гласные. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1893.
8. Севортьян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука, 1974. 767 с.
9. Надеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1969. 677 с.
10. Басилов В.Н. Вупар // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1: А–К. 671 с.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2: (К–Я). М. : Сов. энциклопедия, 1988. 712 с.
12. Левкиевская Е.Е. Упырь // Мифы русского народа. М. : Астрель, Аст, 2000. 527 с.
13. Mhachkay. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mhachkay> (дата обращения: 02.03.2016).
14. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских преданий. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 672 с.
15. Zamaletdinov R.R., Faizullina G.C. Metaphorization of mythonyms as the way of a person secondary nomination in the Siberian dialects of tatar language // Journal of Language and Literature. 2015. Vol. 6, № 2. S. 59–63.
16. Севортьян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.
17. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань : Тат. кит. нәшр., 2001. 272 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 октября 2017 г.

NOMINATION OF LOWER MYTHOLOGY CHARACTERS IN THE TURKIC AND SLAVIC LANGUAGE CONSCIOUSNESS: SEMANTIC AND CULTURAL ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 33–38.

DOI: 10.17223/15617793/427/4

Elena N. Ermakova, Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: ermakova25@yandex.ru; e.n.ermakova@utmn.ru

Maya V. Prokopova, Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: m.v.prokopova@utmn.ru

Guzel Ch. Faizullina, Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: utgus@mail.ru

Elena V. Prokutina, Tobolsk Industrial Institute, Branch of Tyumen Industrial University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: e-prokutina@mail.ru

Keywords: mythology; mythonym; Slavic languages; Turkic languages; vampire; ghoul; metskey; dvoedushnik.

The names of the characters of the lower mythology in Russian and Tatar are compared: their phonetic design and semantic content. In heterogeneous languages there are lexemes that denote a creature living at the expense of the physical forces of people (drinking their blood), sending diseases that can subdue people's will (*vampire*, *ghoul*). The analysis of the linguistic material is based on the data of the explanatory and etymological dictionaries of the Russian and Tatar languages, as well as the information of reference books on mythology. Methodologically, the study is based upon the principles of the research approach, according to which a linguistic sign is viewed in the unity of its structure and content as an object of an integral system that includes this sign into its space and creates conditions for the representation of its specificity and laws. The main method is the method of identifying linguistic units functioning at different times, and units of different languages with the same meaning; private methods – methods of word-formation analysis and semantic description – are also used. As an illustrative material, the records made during folklore and dialectological expeditions (2014–2016) in the rural settlements of Tyumen Oblast are used. The academic novelty of the research consists in attracting the field material demonstrated for the first time, in the presentation of a detailed analysis of the polysemantic structure of dialect units (words and phraseology). The observations allowed the authors to draw a conclusion about the phonetic connection between the words *vampir* [vampire] and *upyr'* [ghoul] and their common constituents in the semantic sense. In this case, the results of the mutual influence of different peoples, their common ethical evaluation of phenomena with significant social and cultural differences were significant. However, in each language (*dvoedushnik* [double soul] in the Slavic mythology), along with similar components of the mythological image, there are unique ones. Thus, among the Turkic mythological characters there is an image of the harmful spirit *metskey*, whose uniqueness is in the fact that, according to popular beliefs, one can become it in life, while ghouls (*ubyri*) usually represent the characters of the world of the dead. It is connected with the functioning and distribution of mythonyms in different geo-cultural areas, with the peculiarities of the mentality of particular peoples, with their value priorities. On the one hand, the study allows the authors to state that, in general, the formation of the meanings of mythonyms and lexemes of secondary nomination in dif-

ferent languages are similar; on the other hand, the results of the research reveal the specific features of the formation of secondary nomination, allowing to reconstruct a fragment of the ancient national language picture of the world, which, in its turn, helps solve one of the urgent problems of modern linguistic semantics.

REFERENCES

1. Potebnya, A.A. (2003) *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow; St. Petersburg: Akademia.
2. Los', I.L. (1890–1907) *Vampir v mifologii* [Vampire in mythology]. In: Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Brockhaus and Efron's Encyclopaedic Dictionary: in 86 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Semenovskaya Tipografiya I.A. Efrona.
3. Dahl, V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya M.O. Vol'fa.
4. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Progress, T. 1.
5. Potebnya, A.A. (1865) *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete. 1865. April'–Iyun'* [Readings in the Imperial Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University. 1865. April–June]. Book vtoraya. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 1–310.
6. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow: Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. [Online] Available from: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russogo_jazyk. (Accessed: 03.03.2016).
7. Radlov, V.V. (1893) *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy* [Experience of a dictionary of the Turkic dialects]. Vol. 1. Part 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
8. Sevortyan, E.V. (1974) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic vowel stems]. Moscow: Nauka.
9. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., & Shcherbak, A.M. (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka.
10. Basilov, V.N. (1987) *Vupar* [Ubir]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
11. Tokarev, S.A. (ed.) (1988) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
12. Levkievskaya, E.E. (2000) *Upyr'* [Ghoul]. In: Levkievskaya, E.E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow: Astrel', Ast.
13. Wikipedia. (n.d.) *Mhachkay*. [Online] Available from: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mhachkay>. (Accessed: 02.03.2016).
14. Grushko, E.A. & Medvedev, Yu.M. (2001) *Entsiklopediya russkikh predaniy* [Encyclopedia of Russian lore]. Moscow: EKSMO-Press.
15. Zamaletdinov, R.R. & Faizullina, G.C. (2015) Metaphorization of mythonyms as the way of a person secondary nomination in the Siberian dialects of tatar language. *Journal of Language and Literature*. 6:2. pp. 59–63. DOI: 10.7813/jll.2015/6-2/10
16. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic b-stems]. Moscow: Nauka.
17. Akhmet'yanov, R.G. (2001) *Kratkiy istoriko-etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Brief historical and etymological dictionary of the Tatar language]. Kazan: Tat. kit. nashr.

Received: 25 October 2017